

20 ноября в Херсонской области произошел подрыв опор ЛЭП, по которым электричество поставляется в **Крым**. 22 ноября Крым полностью отключился от поставок электроэнергии с Украины. П. Порошенко инициировал остановить грузовое сообщение с полуостровом.

В **Молдавии** в октябре — декабре продолжились антиправительственные демонстрации; протестующие выступили с требованием провести референдум для прямых выборов президента и изменения конституции страны.

В **Белоруссии** 12 октября состоялись президентские выборы, победу одержал А. Лукашенко. Евросоюз приостановил санкции в отношении Белоруссии.

В **Азербайджане** 1 ноября прошли парламентские выборы, завершившиеся победой пропрезидентской правящей партии. На протяжении осени на линии соприкосновения вооруженных сил Азербайджана и Нагорного Карабаха имели место столкновения военных.

19 октября в **Канаде** прошли парламентские выборы. Победу одержала Лейбористская партия. Новым премьер-министром страны стал Ж. Трюдо.

7 ноября лидеры **Китая** и **Тайваня** Си Цзиньпин и Ма Инцзю провели в Сингапуре первую встречу с момента окончания гражданской войны.

17 ноября на **Филиппинах** прошел очередной саммит АТЭС. Итогом мероприятия стала декларация о намерении создать зону свободной торговли в регионе.

22 ноября в **Аргентине** состоялись президентские выборы. Победу одержал кандидат от оппозиции М. Макри.

Галия Ибрагимова

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ВРЕМЯ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

*Though this be madness, yet there is method in 't*¹.

Этот обзор предназначен главным образом для российской аудитории, что предопределило его тематику: он сфокусирован на событиях, представляющих особый, остроактуальный интерес для Российской Федерации. К ним относятся гражданская война в Сирии, перспективы нынешней холодной войны между Россией и Западом, развитие ситуации в Украине и миграционный кризис в Европе. Эта тематика, естественно, охватывает лишь часть, причем, возможно, далеко не самую важную, сложного переплетения разнонаправленных процессов, определяющих мировую политику. В частности, в обзоре не затрагивается продолжающееся, хотя и низкими темпами, снижение цен на нефть; осложнение экономической ситуации в Китае и достигнутое в октябре 2015 г. соглашение о создании Транстихоокеанского партнерства, крупнейшей интеграционной группировки, на которую приходится почти 40% глобального ВВП и около четверти мирового экспорта². В среднесрочной перспективе, а, возможно, и раньше они могут оказаться намного более важными для российской экономики и, следовательно, политики, чем, например, локальный по своим масштабам конфликт в Сирии или практически неизбежное геополитическое переформатирование некоторых регионов Ближнего Востока. Сегодня, однако, когда рухнули планы так называемого

Пал Дунай (Венгрия), директор Академии ОБСЕ в Бишкеке — по электронной почте из Бишкека:

Состояние безопасности в Европе ухудшилось. Страны Восточной и Центральной Европы, которые обычно упоминались скорее в региональном, нежели глобальном контексте, ощутили на себе последствия тлевших мировых кризисов. В европейской повестке дня доминировали два события: миграционный кризис и ситуация на Украине.

Миграционное давление на Европу — серьезная проблема, обострившаяся в 2015 г. Угрозу миграции в европейский регион рассматривают в привязке к угрозе терроризма и борются с двумя проблемами, как с одной. Фундаментальная ошибка заключается в том, что Конвенция о статусе беженцев 1951 г. основывается на принципе, что получить в Европе убежище могут люди, подвергшиеся гонениям по политическим, расовым, религиозным причинам. Речь не идет о массовых перемещениях граждан по экономическим причинам, и статус беженцев таким переселенцам не полагался. Но когда заключалась Конвенция, Европа не могла предположить, что через полвека миллионы людей из охваченных войнами и хаосом стран — от Сирии до Ливии, Эритреи и Афганистана — смогут на законном основании претендовать на статус беженцев. Юридический механизм не выдержал тяжести сложившейся реальности. По мере того как потоки мигрантов будут поставлены под контроль, европейцам придется поступиться одним из главных демократических принципов — правом свободного передвижения по Европе.

Соглашение Минск-2 привело к снижению интенсивности боевых действий на юго-востоке

Украины. Однако этот документ не совсем объективный, потому что в нем говорится не о широкомасштабном российско-украинском конфликте, а только о внутриукраинском противостоянии. Украинский конфликт может быть разрешен на основе классического сценария — достижением негативного мира, где причины конфликта не устранены, но враждебность сторон взята под контроль. Запад вложил немалые средства в экономическую стабилизацию страны, но если Киев не проведет радикальные реформы в 2016 г., Запад откажет в финансировании коррумпированному клептократическому украинскому режиму. Ни Европа, ни США не станут тратить от 30 до 40 млрд долл. США на страну, которая не выполняет взятые на себя обязательства и игнорирует все данные обещания.

НАТО и Евросоюз проявили готовность к компромиссам и смогли сохранить единство в принятии решений. Были противоречия в вопросе расширения санкций против России, но санкционный режим в целом сохранился.

Североатлантический Альянс смог сохранить баланс между коллективной обороной и управлением кризисами. Защита стран НАТО, находящихся в непосредственной близости от Москвы, усилилась. В текущем году она особенно потребовалась Эстонии, Латвии, Литве, Польше, Румынии. Эти относительно новые члены Альянса убедились не в номинальных, а в реальных гарантиях безопасности, полагающихся им наравне со старыми государствами-членами.

Сержио Дуарте (Бразилия), посол, высокий представитель ООН по вопросам разоружения (2007–2012 гг.) — по электронной почте из Белу-Оризонте:

Уровень безопасности в мире ухудшился. Россия и США, похоже, не смогут договориться о совместной борьбе с терроризмом. Евросоюз не способен действовать более решительно, и от него не следует ожидать ничего, кроме неэффективных воздушных атак по террористам. Между тем, после терактов в Париже взаимодействие Востока и Запада в борьбе с международным терроризмом актуально как никогда.

Несмотря на чудовищные теракты, общественное мнение в Европе и США не может найти баланс между демократией и безопасностью. Чем больше усилий требуется от великих держав в противодействии угрозам, тем меньше сплоченности в их рядах и тем хуже складывающаяся ситуа-

ция. Если террористические группировки решат использовать ОМУ, то негативные последствия ощутят на себе все страны мира. Угроза увеличивается по мере того, как великие державы также усиленно вооружаются. Предотвратить распространение вооружений в подобных условиях вряд ли получится.

Латинская Америка остается на периферии конфликтных зон и не ощущает на себе угрозу эскалации терроризма и последствия напряженности между Востоком и Западом. Ситуация в регионе стабильная, и общественное мнение занято, в основном, решением внутренних проблем — бедности, криминала, соблюдения прав человека, защитой экологии.

поворота на Восток и связанные с ним надежды, российская внешняя политика вновь сосредоточивается на западном и ближневосточном направлениях.

ЛОГИКА ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Об относительно длительных последствиях инцидента с российским фронтовым бомбардировщиком Су-24, вторгнувшимся в воздушное пространство Турции и сбитым турецким истребителем, говорить пока рано. Но уже ясно, что идея широкой международной антитеррористической коалиции с участием России, которая, предположительно, могла бы создать предпосылки для смягчения ее противостояния с Западом, вызванного событиями в Украине и вокруг нее, оказалась несостоятельной. И самое главное: инцидент с Су-24 подтвердил, что начиная с февраля 2014 г., с первых моментов гибридной войны России против Украины, международные отношения в районах, прилегающих к российским границам, на Ближнем Востоке и в мусульманском мире в целом вошли в *полосу турбулентности*, когда ломаются привычные, выработанные в последние два десятилетия модели, нормы, стереотипы и механизмы, определяющие взаимоотношения государств. Неизбежное следствие наступившей турбулентности — непредсказуемость международных отношений и растущая вероятность того, что события, сами по себе незначительные, могут стать своего рода триггерами, вызывающими к жизни гораздо более масштабные и, как правило, опасные процессы. Это, в свою очередь, заставляет политических лидеров и правящие элиты ориентироваться не на самый вероятный, но на самый опасный вариант развития событий. А ключевой вопрос *чем же все завершится* остается открытым.

Пятьсот лет тому назад Уильям Шекспир подметил, что в безумии часто есть логика, свой, как он заметил, *method in madness*. В наше время это наблюдение подтверждено психологами и психиатрами. Оно, однако, справедливо не только при лечении душевнобольных, но и при анализе мировой политики. Действительно, на первый взгляд, турбулентность и ее причины воспринимаются как торжество абсурда, как хаотическое нагромождение плохо связанных друг с другом, вышедших из-под контроля иррациональных действий и событий. На деле в этом хаосе просматривается определенная логика. Нынешняя турбулентность порождается сочетанием двух основных факторов: линией российского руководства на реформирование международных отношений и противостоянием социальных слоев и групп, являющихся движущей силой модернизации, и кругов, пытающихся сохранить традиционные ценности и структуры.

РОССИЯ КАК ФАКТОР СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

К стремлению Москвы реформировать систему международных отношений, сложившуюся после окончания *первой холодной войны*, и, прежде всего, утвердить Россию в качестве одного из ведущих центров современного мира, сопоставимого по своему влиянию с США и Китаем, можно относиться по-разному. Но главное в том, что экономические, научно-технические и политические ресурсы России заведомо недостаточны для достижения этой цели.

В основе этого — слабость российской экономики, которая, как писал в 2012 г. президент Путин, «не гарантирует нам ни стабильности, ни суверенитета, ни достойного благосостояния». Он отмечал «крайне высокую зависимость от импорта потребительских товаров, технологий и сложной продукции; от колебания цен на основные экспортные товары», подчеркивал необходимость экономики, «работающей на современной технологической базе», и предупреждал о недопустимости и неэффективности протекционистских мер, поскольку «чрезмерный протекционизм всегда приводит к застою, низкому качеству и высоким ценам»³.

Установки высшего политического руководства России остались невыполненными. Кризис, начавшийся в 2013 г., стал закономерным следствием той самой экономической модели, которая, по словам президента Путина, «не гарантировала ни стабильности, ни суверенитета». Геополитические амбиции, заложенные в нынешней внешнеполитической стратегии Кремля, пришли в противоречие с экономическим и технологическим потенциалом страны, несопоставимым с соответствующими возможностями ведущих мировых держав.

Особое значение имеет далеко зашедшее и, возможно, уже непреодолимое отставание России по научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам (НИОКР) — ключевом факторе, определяющем перспективы развития экономики и военной мощи. Об этом, в частности, свидетельствует опубликованный в июне 2015 г. *Доклад ЮНЕСКО по науке: на пути к 2030 году*. По данным ЮНЕСКО, основанным на информации, предоставленной правительствами государств-членов, в 2009–2013 гг. российские расходы на НИОКР были примерно в 25 раз ниже, чем совокупные расходы на эти цели трех основных центров того, что принято называть западным миром, — США, ЕС и Японии.

Таблица 1. Расходы на НИОКР в 2009 и 2013 гг. (млрд долл. США в пересчете по ППС)⁴

Страны/ объединения	Годы	
	2009	2013
США	406,0	453,5
ЕС	287,0	342,5
Китай	184,2	336,6
Япония	136,9	160,2
Индия	39,4	48,1
Россия	34,6	40,7

Бросается в глаза также, что если в 2013 г. финансирование российских НИОКР увеличилось по сравнению с 2009 г. на шесть млрд долл. США, то Запад в этот период нарастил финансирование науки на 126 млрд долл. США. Есть и другие подтверждения растущего научного и, соответственно, технологического отставания России. Так, в США выдается 120,8 патента на 100 научных публикаций в области нанотехнологий, в Японии — 94,4, в Германии — 25,6, а в России — 1,1⁵.

Неспособность России конкурировать в научно-технической сфере с Западом, а в недалеком будущем — и с Китаем, намного обгоняющим Россию и по расходам на НИОКР, и по количеству научных публикаций, дополняет ее хорошо известное отставание от технологически развитых стран как по количественным показателям, так и по качественным параметрам экономики. При этом сланцевая революция, в том числе начавшееся внедрение технологии плазменного импульса вместо гидроразрыва пластов⁶, неизбежное появление на мировых рынках иранских нефти и газа, растущее использование сжиженного природного газа, вовлекающее в глобальную энергетику газовые месторождения, находящиеся далеко от основных районов потребления газа, определяют дальнейшую деградацию российской экономики, основанной на экспорте углеводородов.

В этих условиях веер стратегических альтернатив, имеющихся в распоряжении российского руководства, крайне узок. По сути дела, их всего две. Первая — сосредоточить имеющиеся ресурсы на форсированном развитии тех направлений НИОКР, по которым Россия сохраняет конкурентоспособность, и на этой основе вписаться в мировую экономическую систему в качестве важного, хотя и не сравнимого по своему влиянию с США и ЕС субъекта, подчинив внешнюю и внутреннюю политику нормам и принципам, утвердившимся в развитой части мира. По причинам, обсуждение которых выходит за рамки этого обзора, для российского руководства такой подход оказался неприемлемым. Это, в свою очередь, подтолкнуло российский истеблишмент к другой альтернативе.

Как писал российский аналитик Владимир Фролов, если раньше российская внешняя политика отстаивала главные принципы международного права и основы миропорядка как самоценности — уважение суверенитета, территориальной целостности, признанных границ, неприменение военной силы, невмешательство во внутренние дела, то сегодня она видит в них инструменты избирательного применения. «Стратегическая цель — ... геополитический паритет с США, понимаемый как право второго ключа России на большинство глобальных и региональных проблем, обязательность обсуждения с РФ всех силовых действий США и даже право вето на них в регионах жизненно важных российских интересов. Идеальное устройство — это возвращение к системе двусторонних консультаций СССР — США конца 1970-х — середины 1980-х гг. по ключевым международным проблемам при полном отсутствии какой-либо взаимозависимости»⁷.

Такая стратегия предопределяет опору на единственный ресурс, по которому Россия сопоставима с США и обгоняет все другие страны, то есть на ядерное оружие. Для этого потребовалось восстановить в международных отношениях механизмы, типичные для периода первой холодной войны. Итог очевиден — серьезная дестабилизация стратегической ситуации.

СОПРОТИВЛЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

Другой источник турбулентности в международной политике — столкновение того, что еще двадцать лет тому назад Вацлав Гавел назвал *глобальной цивилизацией*, и теми, кто отстаивает «право поклоняться ... древним богам и следовать старым священным пророчествам»⁸. Действительно, уже давно было отмечено, что глобализация и научно-технический прогресс, как ключевые факторы модернизации, открывают перед государствами, экономическими субъектами, социальными

группами и индивидами новые возможности и одновременно требуют принятия новых ценностей, следования новым нормам и принципам поведения.

Являясь необходимым условием благосостояния и развития, включение в глобализацию приводит к эрозии традиционных групп, структур и идеологий, сопровождается падением их социального статуса и ухудшением экономического положения. В итоге возникает неприятие глобализации и, в целом, модернизации со стороны тех, кто не в состоянии соответствовать новым требованиям, воспринять и реализовать свойственные новым условиям стереотипы и модели. Такая реакция характерна не для наиболее отсталых, погруженных в нищету регионов: последние практически не затронуты модернизацией. Спротивление ей возникает, прежде всего, в той части мира, которая уже вовлечена в становление транснациональной экономики и глобальных институтов, но не готова к активному участию в них.

Группы и силы, видящие в модернизации угрозу собственным привилегированным позициям, часто добиваются возвращения в международной политике к устаревшим геополитическим парадигмам, основанным на традиционных концепциях баланса сил, сфер влияния, концепта великих держав и абсолютного национального суверенитета. У них часто возникает соблазн направить накапливающееся раздражение масс вовне, нацелить его на те страны и регионы, которые являются символом и источником перемен, прежде всего США. В мусульманском мире к ним относится также Израиль. Такая стратегия часто получает поддержку масс: мифологизированное сознание склонно искать причины собственного неблагополучия в действиях внешних *сил зла*.

В идеологическом плане сопротивление переменам чаще всего выражается в обращении к религиозным и политическим доктринам, идеализирующим прошлое, видящим в происходящих в мире изменениях моральную и социальную деградацию. В целом же, незавершенная модернизация нередко выливается в социальную дезориентацию, раздражение и агрессивность, перерастающие в террористические устремления.

В наибольшей степени эти процессы характерны для мусульманского мира, в том числе для мусульманских общин Европы и Северной Америки, что способствует распространению там радикального ислама. Последний стал идеологической основой противодействия переменам и сохранения традиционных культур, противоборства с либеральным, антропоцентрическим видением мира. *Умеренный* вариант ислама оказался в глазах значительной части населения мусульманских стран — как плохо образованных масс, так и нередко рафинированной верхушки, получившей образование в лучших западных университетах, — неспособным предотвратить размывание традиционного общества под воздействием новых экономических моделей и социальных идей. В свою очередь, радикальный ислам ясно обозначает путь — *священную войну* во имя утверждения истинных ценностей и собственной веры как единственно правильного пути к спасению.

Из этого следует тревожный вывод. По мере вовлечения в глобализацию — а это неизбежный процесс — в мире нарастают силы, пытающиеся ее остановить и с этой целью вступающие в противостояние с постмодернистской цивилизацией Запада. Это противостояние может принять форму *глобальной герильи*, полями

сражений которой будут не только ущелья и плоскогорья стран Юга, но и городские джунгли крупнейших мегаполисов Севера.

«Международный терроризм представляет собой механизм воздействия коалиции немодернизированных (вернее, частично модернизированных) традиционных обществ на мир либеральной цивилизации», — писал российский политолог Игорь Яковенко. — «В этом нет злого умысла со стороны Запада. Динамичные общества по своей природе эффективнее застойных и разлагают традиционный мир. Однако идеологи традиции осмысливают эту закономерность мировой истории как заговор, направленный против традиционного мира. ...Силы, поддерживающие международный терроризм, стремятся дестабилизировать Запад, оторвать от него страны, недавно избравшие либеральный путь, изменить вектор исторического развития»⁹.

СИРИЙСКИЙ ТУПИК

Российская военная операция в Сирии, последовавшие за ней гибель российского авиалайнера, террористическая атака в Париже в *черную пятницу* 13 ноября 2015 г., уничтожение Су-24 и острейший кризис в отношениях России с Турцией вновь привлекли всеобщее внимание к гражданской войне в Сирии, исламскому терроризму и в более широком контексте к вопросу о том, что, собственно, происходит на Ближнем Востоке и имеется ли шанс стабилизировать стратегическую обстановку в этом регионе. Происходящие в этой зоне события подробно, день за днем описаны в средствах массовой информации. Важно, однако, выделить несколько устойчивых характеристик сложившейся ситуации. Главное в том, что острейший внутренний конфликт в Сирии не имеет ни военного, ни политического решения. Во многом это предопределено соотношением сил противоборствующих группировок и, в целом, спецификой военно-политической ситуации в этой стране.

СООТНОШЕНИЕ СИЛ

Вооруженные силы режима Асада насчитывали в конце 2014 г. (более поздних данных в открытых публикациях найти не удалось), по разным оценкам, от 150 до 170 тыс. солдат и офицеров¹⁰. Однако, в полной мере лояльными Б. Асаду и его клану считаются 65–70 тысяч человек, служащих в элитных частях¹¹. Наряду с вооруженными силами режим опирается на ополчение, известное как Национальные силы обороны (National Defense Forces), состоящее из отрядов шиитской милиции *шабиха* (в переводе с арабского *призраки*), созданной в 1980-е годы братом Х. Асада из алавитских бандитских группировок, контролирующей контрабанду и другой криминальный бизнес в провинции Алеппо¹², а также проасадовские отряды местной самообороны. Численность этого ополчения оценивается от 60 до 100 тыс. человек¹³. Наконец, на стороне Б. Асада воюют члены проиранских шиитских формирований из Ливана, палестинских и некоторых других террористических группировок, общей численностью около восьми тысяч человек, из которых примерно половину составляют члены *Хезболлы*. Военнослужащие иранского *Корпуса стражей иранской революции* в основном выполняют обязанности советников в вооруженных силах режима, участвуют в разведывательных

операциях, подготовке и обучении личного состава, в первую очередь элитных частей и соединений.

Общая численность оппозиционных режиму Б. Асада группировок оценивается приблизительно в 100–120 тыс. человек, точных цифр никто не знает. Их обычно объединяют в четыре основные категории. Первая — *Свободная сирийская армия* (ССА), сформированная, главным образом, из бывших солдат и офицеров армии Б. Асада. Она и примыкающие к ней группировки выступают в большинстве своем за светский характер будущего сирийского государства. Эта часть сирийской оппозиции пользуется политической поддержкой западных государств, получает от них, хотя и в небольших количествах, некоторые виды оружия.

Вторая состоит из двух экстремистских террористических исламистских организаций: *Джабхат ан-Нусра* (*Фронт помощи*), являющейся одним из самых яростных противников Б. Асада, и *Исламского государства* (ИГ). Первая возникла в 2012 г. как отделение *Аль-Каиды* в Сирии и привлекла к себе наиболее радикальные исламистские элементы в стране и из-за рубежа. Вторая изначально появилась в Ираке в 2006 г., в середине 2013 г. проникла в Сирию и приобрела широкую известность летом 2014 г., после того как объявила о создании своего государства. ИГ вступило в вооруженное противоборство со всеми оппозиционными Б. Асаду группами, в том числе со своим идеологическим близнецом *Джабхат ан-Нусрой*, но, по мнению многих специалистов, заключило с Дамаском молчаливую договоренность: по возможности минимизировать столкновения друг с другом.

Третья категория состоит из формирований, выступающих за построение будущего сирийского государства на основах шариата. Эти группировки пользуются поддержкой Саудовской Аравии, Катара, других государств Персидского залива и Турции. Одни из них занимают относительно умеренные позиции, сходные с установками *Братьев-мусульман*, например признают необходимость проведения демократических выборов, в результате которых рассчитывают прийти к власти. Другие, прежде всего объединенные в так называемый *Джабхат аль-Исламия* (*Исламский фронт*), занимают намного более одиозные позиции, требуя, в частности, создания в будущем государстве неких совещательных органов, сформированных из авторитетных людей (*маджлис аш-шура*), которые, в свою очередь, выбирают лидера или, точнее, халифа.

Наконец, населенные курдами северные районы страны вдоль границы с Турцией фактически обрели независимость. Курдские вооруженные формирования действуют, главным образом, против *Исламского государства*, которое контролирует большую часть соседних с курдскими районами территорий.

ВОЙНА БЕЗ ПОБЕДЫ

Хотя вооруженные силы режима Б. Асада в 2–2,5 раза превосходят оппозиционные формирования по численности личного состава, имеют полное господство в воздухе и оснащены тяжелым вооружением, которого у противника почти нет, одержать военную победу они не могут. По некоторым подсчетам, для победы в антипартизанской войне, предполагающей установление эффективного контроля над территорией, где действуют партизанские группировки, регулярные войска должны превосходить их в соотношении примерно 10 к 1. Следовательно, даже

в том случае, если благодаря успешным политическим мероприятиям удастся вывести из активного противоборства, скажем, половину антиасадовских сил, для подавления сопротивления оставшихся потребуется полумиллионная армия, что заведомо превышает возможности режима и его союзников.

При этом вооруженные силы режима Б. Асада решают не только несколько стратегических задач, таких как оборона Дамаска, бои за вторую столицу страны Алеппо и ключевые города Хаму и Хомс, контроль над магистральным шоссе, связывающим Дамаск с Алеппо, оборона подступов к районам, населенным алавитами в провинции Латакия. Помимо этого они контролируют или пытаются контролировать множество небольших городов и населенных пунктов. В результате они распылены как в географическом, так и в тактическом отношении и не способны к крупным наступательным операциям.

Далее, армия Б. Асада испытывает все более острую нехватку личного состава. Мобилизационный потенциал алавитского религиозного меньшинства, составляющего 10–12% населения страны, практически исчерпан, а призванные в вооруженные силы сунниты в большинстве своем недостаточно лояльны (или вообще нелояльны) алавитской верхушке режима¹⁴. Нарастает недоверие и противостояние между офицерским корпусом, во многом состоящем из алавитов, и рядовым составом: сирийские сунниты отнюдь не стремятся воевать и умирать за сохранение чуждого и надоевшего им режима. В итоге боевой дух армии в массе своей низок, что еще более снижает ее боеспособность.

Сокращается поддержка режима со стороны алавитского населения, которое обычно считается главной опорой правящего клана. Алавиты оказались в исключительно сложной и опасной ситуации. С одной стороны, они опасаются, что поражение Б. Асада приведет к массовому вторжению исламских радикалов суннитского толка в населенные ими территории. С другой, — в их среде нарастает недовольство кланом Б. Асада, втянувшим алавитов в противоборство с суннитами, грозящее им тяжелыми последствиями. Этому способствуют также крупные потери среди алавитов, служащих в асадовских вооруженных силах. Идеальным выходом из складывающейся ситуации для них был бы уход Б. Асада и его клана. Это снизило бы давление на них со стороны суннитских группировок и облегчило бы договоренность об автономии их районов в будущем государстве.

Важным элементом военной стратегии режима Б. Асада являются авиа- и артиллерийские удары по гражданскому населению районов, контролируемых оппозицией, с тем чтобы сократить мобилизационный потенциал противостоящих группировок, запугав их или вынудив мигрировать из страны. С одной стороны, это действительно приводит к массовому бегству за рубеж или перемещению населения в районы, контролируемые правительством Б. Асада, но с другой, — резко увеличивает число противников режима.

Снижение боеспособности вооруженных сил режима Б. Асада привело весной-летом 2015 г. к ряду его серьезных поражений. В частности, в марте 2015 г. оппозиционные группировки, принадлежащие к *Армии завоевания (Army of conquest)*, заняли столицу провинции Идлиб, а два с половиной месяца спустя вытеснили верные Б. Асаду войска из всей этой провинции¹⁵. Возникла прямая угроза для населенных алавитами районов в провинции Латакия.

Российская воздушная операция в Сирии помогла режиму Б. Асада избежать если не катастрофы, то, по крайней мере, тяжелого поражения. Однако переломить военно-политическую ситуацию в Сирии не удалось. По сообщению начальника российского Генерального штаба генерала В. Герасимова, к 17 ноября 2015 г., то есть через 48 дней после начала интенсивных российских бомбардировок, армия режима Б. Асада «освободила 80 населенных пунктов, обеспечив установление контроля над территорией более 500 квадратных километров»¹⁶. Столь незначительные результаты воздушных ударов — *освобождена* территория размером 25х20 километров — подтверждают выводы, многократно сделанные военными экспертами: массированные авиационные бомбардировки не могут обеспечить победу в контрпартизанской войне, а вооруженные силы Б. Асада и его режима не в состоянии провести крупные наземные операции. Но и оппозиция, в свою очередь, не имея тяжелых вооружений, не в состоянии взять Дамаск, Алеппо и другие крупные города, а также начать активные действия в районах, населенных алавитами. Иными словами, ни одна из сторон в сирийской гражданской войне одержать военную победу не может.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ В СИРИИ: БЕЗ ПЕРСПЕКТИВ

Военный тупик в Сирии в сочетании с российской военной операцией и террористической атакой в Париже стимулировал осенью 2015 г. международные усилия по политическому урегулированию сирийского конфликта. 14 ноября 2015 г. Международная группа поддержки Сирии (МГПС) согласовала некоторые принципы такого урегулирования¹⁷. Конкретно, члены Группы договорились:

- предпринять все возможные шаги по обеспечению соблюдения режима прекращения огня теми группами или лицами, сторонниками которых они являются, которым они предоставляют материальную поддержку или на которых они оказывают влияние;
- немедленно предпринять шаги по поощрению мер укрепления доверия, которые будут способствовать жизнеспособности политического процесса, а также создадут условия для общенационального прекращения огня;
- оказывать давление на стороны в целях обеспечения немедленного прекращения любого применения подобного оружия неизбирательного действия;
- поддержать процесс, осуществляемый под руководством самих сирийцев, целью которого является создание в течение шести месяцев надежной, инклюзивной и неконфессиональной системы управления, а также определение сроков и процедуры разработки новой конституции;
- что в течение 18 месяцев должны быть проведены свободные и справедливые выборы в соответствии с положениями новой конституции;
- что прекращение огня не распространяется на *Исламское государство*, *Джабхат аш-Нусру* и другие организации, которые МГПС сочтет террористическими¹⁸.

Само по себе согласие важнейших внешних *игроков* в сирийском конфликте по этим моментам, бесспорно, важно. И тем не менее, трудно отделаться от впечатления, что это не более чем дипломатическая имитация политического процесса урегулирования сирийского кризиса, но отнюдь не само урегулирование.

Об этом предельно ясно писал ведущий российский специалист-ближневосточник Г. Мирский:

«Ничего не получится, пока у власти Б. Асад. Ни один оппозиционер, повстанец, а тем более тот, кто четыре года воюет, ни за что не согласится жить под властью этого человека. И ведь все это понимают, но с непостижимым упорством продолжают твердить о том, что мы, дескать, не за Б. Асада персонально, а за право народа решать свою судьбу на выборах. Опомнитесь, какие выборы в залитой кровью стране, где разрушена половина жилого фонда и предприятий, где насчитывается, по оценкам Центра Картера, 7 тыс. различных группировок? В стране, из которой бежали миллионы граждан (тоже ведь избиратели)?»¹⁹

Это важная, но далеко не единственная причина тщетности всех нынешних усилий по политическому урегулированию сирийского кризиса. Помимо всего прочего, в МГПС не участвуют те, от кого на практике зависит прекращение огня, — командиры вооруженных групп и отрядов, сражающихся с режимом Б. Асада и подчас друг с другом. Они далеко не всегда и не во всем склонны подчинятся органам, претендующим на политическое руководство, а также своим иностранным союзникам. И самое главное — не решен ключевой вопрос о судьбе Б. Асада и его режима. Речь при этом идет не только и не столько о будущем самого сирийского президента, сколько о будущем семейного клана Асадов/Махлуфов и тесно связанных с ними персонажей и группировок, контролирующих армию, органы госбезопасности и ключевые сегменты экономики²⁰.

НОВАЯ ЯЛТА?

После терактов в Париже и саммита G20 в Анталье политики и эксперты стали всерьез обсуждать перспективы сотрудничества России с Западом, переходящего в своего рода *новую Ялту*. Предполагается, что *Исламское государство* и международный терроризм — глобальная опасность, сопоставимая с нацистской Германией. Для борьбы с этим злом Запад должен объединиться с Россией, отказаться от ее сдерживания, отменить санкции и забыть о конфликте с Украиной. Россия должна на равных с США решать судьбы мира, а Запад должен признать ее интересы в бывшем СССР и Центрально-Восточной Европе.

Логика российского руководства понятна. Массированное военное вторжение в Украину чревато слишком большими издержками, привести к власти в Киеве пророссийские силы не удалось, а вместо Новороссии России приходится иметь дело с пресловутыми Л/ДНР, которых часто и со всем на то основанием называют в России *чемоданом без ручки*. *Поворот на Восток* не состоялся: Китаю и другим восточноазиатским странам не нужны российские углеводороды в тех объемах, которые пытается им продать Москва. Ситуация на мировых рынках нефти и газа никакого оптимизма в России не вызывает. В результате холодной войны с Западом Кремль получил экономические санкции, консолидировал НАТО и столкнулся с перспективой гонки вооружений. С тем, чтобы прервать эту цепь неприятностей, была предпринята интервенция в Сирии. В случае ее успеха в России надеются выйти из изоляции, спасти своего незадачливого союзника, Б. Асада и утвердиться на Ближнем Востоке как влиятельная военно-политическая сила. И тогда перспектива стратегических договоренностей с Западом могла бы, как считают многие российские и некоторые западные эксперты, обрести практические

очертания, если, разумеется, инцидент с уничтоженным российским самолетом в Сирии не перерастет в полномасштабный военно-политический кризис между Россией и НАТО.

Впрочем, пока это — только перспектива, реализация которой весьма сомнительна. Несмотря на террористические акты в Париже, лидеры ведущих западных стран договорились продлить санкции против России еще на полгода. Они также согласились, что «все элементы Минских соглашений должны быть выполнены, прежде чем можно будет рассмотреть облегчение санкций»²¹. Иными словами, было сказано *нет* российским попыткам добиться отмены санкций или, по крайней мере, их смягчения в обмен на частичное выполнение Минских соглашений без передачи Украине контроля над границей. Продление санкций означает, что о *новой Ялте* речь пока идти не может. Их отмена — ключевой элемент стратегической сделки России и Запада и просто нормализации отношений между ними.

Но одновременно в США и Европе усилились голоса тех, кто поддерживает сотрудничество с Россией в борьбе с терроризмом. Среди них — президент Франции Ф. Олланд. Его понять можно. Он должен изобличить и наказать террористов, устроивших бойню в Париже, и их вдохновителей, а также предотвратить повторение чего-либо подобного в будущем. Для этого необходимо использовать любую возможность, договариваться не только с Кремлем, но и с самим дьяволом. В противном случае его и его партию ожидает политическая катастрофа. Избиратели этого не прощают. Однако от Франции и ее президента мало что зависит во взаимоотношениях России и Запада. Можно, например, вспомнить, что во время первой холодной войны Франция, особенно во времена де Голля, занимала весьма своеобразную позицию в отношении бывшего СССР, что, правда, не слишком сильно сказывалось на тогдашних международных отношениях.

Но события осени 2015 г. ставят и более широкий вопрос: насколько вообще справедливы аналогии между нынешней ситуацией и Второй мировой войной, когда ведущие демократические государства были вынуждены объединиться со сталинским режимом в борьбе против общей угрозы? Может ли сотрудничество России и Запада против международного терроризма, пока скорее потенциальное, чем реальное, привести к *новой Ялте*?

Нацистская Германия представляла для Великобритании смертельную опасность, а для США — большую угрозу, чем СССР, бывший до войны сугубо региональной державой. Союз с СССР для Лондона был необходимостью, а для Вашингтона, вовлеченного в изнурительную войну на Тихом океане, оптимальной стратегией. Но *Исламское государство* и подобные ему террористические группировки при всей своей омерзительности все же уничтожить европейские государства и США не могут. Кроме того, в Ялте и Потсдаме США и Великобритания были вынуждены согласиться с разделом Европы на сферы влияния во многом потому, что многомиллионные сталинские армии расположились в самом сердце этого континента; коммунисты входили в правительства Италии и Франции, были готовы *взять Париж по телефону* и воевали в Греции против близкого США и Великобритании правительства. Иными словами, Сталин в то время действовал с позиции силы.

Возможности России сегодня совершенно иные. Новая холодная война может вылиться в ядерный катаклизм в Европе, но победить НАТО и даже одну только Турцию в неядерном конфликте Россия не способна, как и не в состоянии решающим образом повлиять на исход войны в Сирии. Наконец, российская внешняя политика в последние два года поставила под вопрос международный порядок, основанный на праве, неприменении силы, мирном разрешении споров и нерушимости границ. Пережив две катастрофические мировые войны, европейские государства осознали, что только безусловное соблюдение этих норм может избавить континент от новой войны, последствия которой трудно себе представить. В этих условиях потенциальная *антиигиловская* коалиция в Сирии, включающая в себя Россию, если она состоится, вряд ли приведет к радикальному пересмотру сложившихся отношений Москвы с ведущими западными странами. По сути дела, в обмен на удовлетворение своих геополитических амбиций российское руководство может предложить только обещание не угрожать применением ядерного оружия. Но для того, чтобы такое обещание оказалось убедительным, требуется восстановить доверие между Россией и Западом, подорванное в результате украинского кризиса.

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС

Миграционный кризис 2015 г. в Европейском союзе вызвал бурную, во многом эмоциональную реакцию в средствах массовой информации, аналитическом и политическом сообществах в Европе и в России. Четко проявились две полярные точки зрения. Первая — европейцы обязаны сделать все возможное, чтобы помочь беженцам, покинувшим свои страны из-за войн, репрессий, экономических и природных бедствий, обеспечить им защиту и более или менее сносные условия существования. Этого, утверждают сторонники данной точки зрения, требует принцип солидарности, одна из основных ценностей современной европейской цивилизации. Вторая — не отрицая необходимости принимать в странах Европы людей, спасающихся от войн или подвергающихся репрессиям в силу своих политических взглядов или религиозных убеждений, требует ограничить беженцам материальные пособия и сократить до минимума приток в Европу инокультурных экономических мигрантов, прежде всего из Африки и мусульманского мира. В России же широкое распространение получила поддерживаемая официальной пропагандой мысль о том, что нынешний *кризис беженцев* и вообще миграционный кризис Европейского союза — один из ключевых признаков *заката Европы*, ее глубокой цивилизационной слабости и неспособности справиться с вызовами современного мира.

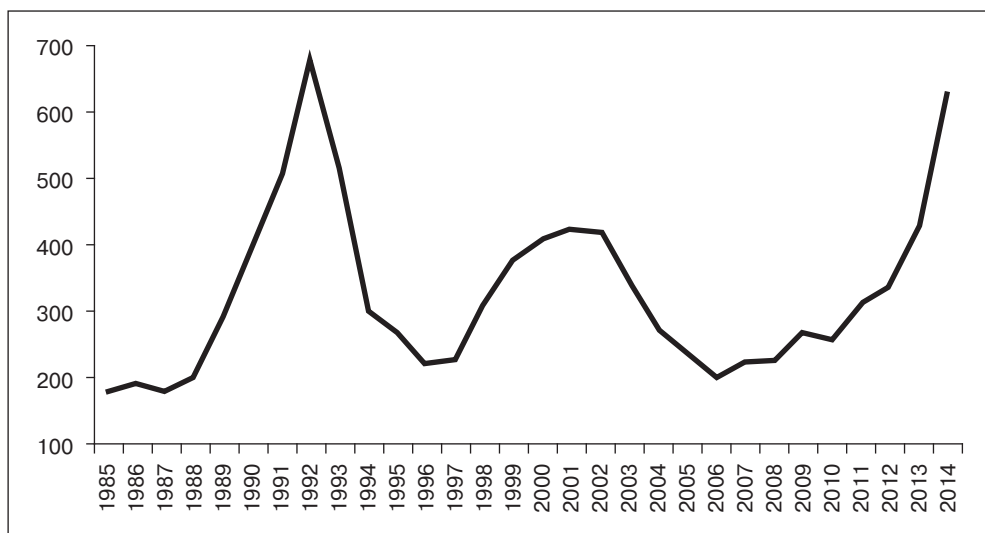
Фраза «Европу накрыла невиданная ранее, подрывающая ее единство волна беженцев» с унылым постоянством повторяется в СМИ и многих аналитических материалах. Это, мягко говоря, свидетельство плохой успеваемости по истории, в том числе новейшей. Не затрагивая здесь великие переселения народов, крестовые походы, войны древности и Средневековья, вспомним, например, что после Второй мировой войны из Восточной Европы в течение нескольких месяцев были изгнаны 14 млн этнических немцев, из которых около двух миллионов погибли по дороге²². Это не первый и, увы, не последний случай, когда за преступления правящей клики расплачиваются миллионы рядовых граждан. Но так или иначе, в конце 1940-х гг. немцы получили первый тяжелый опыт приема многих миллионов

беженцев и на практике осознали, что требования солидарности, тогда по отношению к соотечественникам, — отнюдь не пустая риторика. В весьма сложной ситуации оказался Израиль в 1990–92 гг., когда туда переселилось около одного миллиона выходцев из бывшего СССР. Тем не менее, и Германия после Второй мировой войны, и Израиль смогли решить крайне сложные проблемы, возникшие в результате переселения на их территории крупных масс нового населения.

Далее, если исходить не из фантазий журналистов и людей, называющих себя экспертами, а из сравнительно объективных данных европейской статистики, то можно увидеть, что за последние 30 лет Европа пережила, по крайней мере, две крупных волны беженцев. Первая — в конце 1980-х — начале 90-х годов, порожденная всплеском локальных конфликтов в зоне *третьего мира*, а также прогрессирующим распадом так называемой социалистической системы. В частности, по мере ослабления репрессивной политики в странах-сателлитах СССР в Восточной Европе, оттуда нарастал поток беженцев на Запад. Свой вклад вносили массы беженцев из бывшей Югославии в результате начавшихся там войн. Вторая волна в конце 1990-х годов, уступавшая первой, была, как и та, вызвана во многом войнами в бывшей Югославии. Не углубляясь более в историю, стоит лишь подчеркнуть, что утверждения о *невиданной ранее* волне беженцев никак не согласуются с реальностью.

Статистика не подтверждает также широко распространенное мнение о том, что взрывной рост беженцев в страны ЕС в 2012–2015 гг. вызван главным образом гражданской войной в Сирии и конфликтами в ряде других стран *третьего мира*. Большинство заявлений о предоставлении убежища в странах ЕС — 60–65 процентов — было в эти годы подано выходцами из стран со стабильной или относительно стабильной политической обстановкой, в которых нет или почти нет значимых вооруженных конфликтов, ставящих под угрозу жизнь основных групп населения.

Количество обращений о предоставлении убежища в ЕС в 1985–2014 гг. (тыс. чел)²³

Количество заявлений о предоставлении убежища в странах ЕС, 2012–2015 (тысяч заявлений по крупнейшим странам и регионам исхода)²⁴

		2012	2013	2014	2015			Σ
					1st Q	2nd Q	Σ	
	Всего в ЕС	336	432	627	185	213,2	398,3	1793,3
В том числе из	Западные Балканы	51,6	71,8	106,5	67,0	36,9	103,9	333,8
	Сирия	23,5	50,8	122,1	29,3	43,9	73,2	269,6
	Афганистан	26,2	26,3	41,3	12,2	27	39,2	133,0
	Россия	23,4	41,3	19,6	3,1	3,6	6,7	91,0
	Пакистан	19,3	20,9	22,1	5,3	8,8	14,1	76,4
	Сомали	12,8	18,7	16,9	3,4	5,3	8,7	57,1
	Иран	12,4	12,8	10,8	2,3	3,1	5,4	41,4
	Ирак	11,3	11,2	21,3	7,3	13,9	21,2	65,0
	Эритрея	5,9	14,7	36,9	3,2	9,7	12,9	70,4
	Σ	180,7	261,4	386,8	131,6	150,6	285,3	1137,7
	Доля в потоке	54%	60%	62%	71%	70%	71%	63,4%

В частности, в последние три с половиной года гражданами государств Западных Балкан (Албания, Босния и Герцеговина, Косово, Македония и Сербия), было подано около 334 тыс. таких заявлений, что составило почти 19% от их общего количества. Среди них лидирует по этому показателю Косово. Нельзя не заметить, что на третьем месте среди государств, граждане которых запросили убежища в ЕС, находится Россия. Другое дело, что возрастает доля лиц, подавших заявление о предоставлении убежища в странах ЕС, из государств, пораженных внутренними конфликтами (Сирия, Афганистан, Ирак) или управляемых террористическими режимами (Эритрея). В 2012 — первой половине 2015 г. 538 тыс. граждан этих четырех государств обратились с такой просьбой к правительствам стран ЕС, что составило 30% от общего числа попросивших убежища. Из них примерно половину составили граждане Сирии. Их доля в общем потоке беженцев, ищущих убежища, возросла с 7% в 2012 г. до почти 20% в 2014 г.

Уже упоминавшийся исторический опыт показывает, что появление одного-двух миллионов беженцев в Европейском Союзе, население которого составляет примерно 500 млн человек, само по себе серьезной, тем более цивилизационной угрозы для Европы не представляет. Нынешний миграционный кризис обусловлен в основе своей техническими причинами. В частности, так называемый регламент *Дублин II*, заменивший в 2003 г. Дублинскую конвенцию, возлагает ответственность за рассмотрение ходатайства лица, ищущего убежища, на одно и только одно государство — член ЕС, а именно то, в которое после первого пересечения внешней границы ЕС прибыл потенциальный беженец. Иными словами, основное бремя по содержанию сотен тысяч новых беженцев и рассмотрению их ходатайств должно было лечь на несколько государств, в первую очередь Италию и Грецию, которые явно не были к этому готовы. Это положение вошло также в противоречие с требованиями основной массы беженцев, которые стремятся в Германию

и Швецию. Далее, пограничные службы стран ЕС и особенно государств, входящих в Шенгенскую зону, оказались совершенно неготовы к сдерживанию десятков и сотен тысяч чезовек, по сути дела, нелегально пересекающих границу. И, наконец, в ЕС удовлетворяется от 40 до 45% прошений о предоставлении убежища, но при этом возможности входящих в него государств по депортации тех, кому в этом статусе было отказано, несопоставимы с количеством лиц, подлежащих депортации. При всей серьезности этих проблем их решение требует пересмотра некоторых юридических процедур и дополнительных расходов, но не смены установившихся в Европе базовых ценностей и принципов.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И МЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ В УКРАИНЕ

25 октября 2015 г. в Украине состоялись региональные и местные выборы, политическое значение которых заведомо серьезнее, чем вопрос о составе областных и городских выборных органов власти. Медленное продвижение реформ, прежде всего, в сфере борьбы с коррупцией, исключительно сложное экономическое положение, продолжающийся конфликт на востоке и непреодоленный шок от потери Крыма вызвали в украинском обществе усиливающееся недовольство как исполнительной, так и законодательной властями, сформированными после крушения режима Януковича. В этих условиях многие эксперты, особенно в России, ожидали нарастания реставрационных настроений, создающих условия для возвращения к власти сил, потерпевших поражение в начале 2014 г. Эти ожидания не оправдались. Итоги выборов свидетельствуют, что *Оппозиционному блоку*, возникшему на развалинах *Партии регионов*, не удалось взять реванш.

Итоги региональных и местных выборов в Украине 25 октября 2015 г.²⁵

Партия/блок	% голосов	Примечания
Блок Порошенко	19,5	
Батькивщина	12,2	Лидер — Ю. Тимошенко
Оппозиционный блок	10,5	
УКРОП	7,4	Партия, близкая к И. Коломойскому
Самопомощь	6,4	
Возрождение	5,5	Партия, близкая к И. Коломойскому
Свобода	6,9	
Радикальная партия	6,8	Лидер — О. Ляшко
Наш край	44,4	Партия, близкая к П. Порошенко
Аграрная партия	3,2	Партия, близкая к П. Порошенко

Вместе с тем, итоги этих выборов показывают, что политический пейзаж в Украине претерпевает заметные изменения. Так, потерпел крушение *Народный фронт* во главе с А. Яценюком и А. Турчиновым, одержавший весомую победу на парламентских выборах 2014 г. Его избиратели в большей своей части перешли к *Батькивщине* и двум новым партиям — *УКРОПу* и *Самопомощи*. Появились новые

лидеры общенационального масштаба, прежде всего мэр Львова А. Садовый. Важную роль на политической арене принадлежит одному из крупнейших украинских олигархов И. Коломойскому, сумевшему в 2014 г. самыми решительными мерами остановить пророссийские силы в ключевой Днепропетровской области. И, пожалуй, самое главное — нарастающее недовольство нынешней властью приводит к постепенному укреплению реформистских сил, выступающих за радикальное обновление украинских политической и экономической систем и сближение с Европой.

Противоречивые, динамичные, в чем-то хаотичные процессы, происходящие в последние год-два на мировой арене, показывают, что евроатлантическая цивилизация не нашла адекватный ответ на усиливающееся влияние сил и кругов, пытающихся остановить и повернуть вспять социально-политическую и экономическую модернизацию. Это, естественно, приводит к нарастанию конфликтности в международной политике, преодоление которой требует обновления концептуальных подходов и моделей, определяющих внешнюю и военную политику США и Европейского союза. Что же касается российской внешней политики, то, пожалуй, наиболее точный вывод был сделан В. Фроловым в короткой, но очень важной статье *Внешняя политика. Дипломатия освобождения* (имеется в виду освобождение от необходимости соблюдать международные правила, якобы сформированные без участия России после проигрыша в холодной войне, — что, мягко говоря, не совсем так — и направленные на сдерживание претензий РФ на ведущую роль в мире). Он пишет:

«Впервые в постсоветской истории внешняя политика России оторвана от экономических интересов и возможностей страны. Они оттеснены на задний план, а некоторые внешнеполитические успехи наносят ущерб экономике. Понятно, что бесконечно так продолжаться не может и будет произведена перекалибровка в пользу экономических интересов. Тогда станет понятна реальная цена *дипломатии освобождения*»²⁶

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: СИРИЙСКИЙ ПРОЦЕСС КАК ЗЕРКАЛО БУДУЩЕГО

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ТОЧКЕ БИФУРКАЦИИ

Хаос... Это слово повторяют теперь все политики и аналитики применительно практически к любой значимой точке земного шара. И к Ближнему Востоку, и к Северо-Восточной Азии, и к Юго-Восточной Азии, и к Европе, на наших глазах захлестнутой волнами беженцев с понятными последствиями, в том числе в сфере безопасности. Дымок от назревающего хаоса в Центральной Азии уже стал ощущаться всеми. И даже — не поверите — местными *великими сердарами*. Островками стабильности в этом мире хаоса пока возвышаются водимая железной рукой Ким Чен Ына Северная Корея и США, которых многие *злые языки* упрекают в том,